

Евгения Петроченко

Кто останется в хронике

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
ПЗ0

Петроченко Е. А.

Кто останется в хронике / Петроченко Е. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 246 с.

ISBN 978-5-532-93319-4

Смешанные земли живут в мире и благополучии, земли демонов охраняют покой магов и немагов, но никто не подозревает, что равновесие может быть весьма хрупким. Особенно, когда в мир возвращается Алесан Митрэ, пространственный маг, переселенец из другого мира. Что она принесет новому миру: благо или хаос? Что она принесет старым знакомым: любовь или ненависть? Время покажет. Продолжение книги «В летописях не значится»

ISBN 978-5-532-93319-4

© Петроченко Е. А., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1	4
2	12
3	20
4	35
5	44
6	58
7	70
8	86
9	101
10	122
11	129
12	138
13	150
14	179
15	192
16	211
17	219
ЭПИЛОГ	241

Высоки эльфийские тонколистные леса, серебрятся ажурными листочками, шепчутся звонким голосом, нежным, девичьим. Молвят они о своём: о льдистом-голубом ручье, который этой ночью был потревожен человеческою рукою, о слишком громких шагах, которые разбудили тысячелетнюю вечность потаённых уголков, сокрытых от эльфийских глаз и тем более от людских, о широких взмахх крыльев голубого дракона и паутинке сторожевого заклятия мага-охранителя на нём... Много о чём они шептались, да правды никогда не познают, ибо я была тенью в этом мире, невидимой и неведомой для местных чар.

Сверкали кристаллы инея на мшисто-зеленых травах, окутывал холодным дыханием лесной дух, заставляя кутаться в черный полубок. Зима не властна над зеленью эльфийских лесов, но воздух ей покоряется, морозит кожу, леденит тонкие пальцы, унизанные кольцами с зелеными и черными камнями.

Легкий звон – и тонкий стебель яснолика северодвинского покрывается. Он цветет маленькими звездочками с узкими белыми лепестками и входит в силу в новолуние на третий день первого месяца Темной владычицы, или же Темной матери, как говаривают в иных краях.

Второй, третий, четвертый – и вот уже собран пучок стеблей редкого цветка. Тонкий серебряный ножичек с витой рукояткой, украшенный россыпью хризолита, складываю в кожаную суму. На руки быстро надеваю черные перчатки, скрываясь от укусов зимы.

Кругом – тонкие стройные великаны-деревья с серебряно-зелеными листьями, только слева прячется за высокими травами звонкий родник, в котором я ополаскивала и заговаривала нож перед сбором яснолика. К нему я и направилась, чтобы очистить тонкое лезвие от сока растения. Сок практически безвреден – так, немного закружится голова, если попробовать на вкус, да останется на языке привкус горечи. Но свойства трав накладываются друг на друга, и после сбора нужно чистить нож проточной водой и шептуном.

– Тьма и свет тебя ласкают да водой хворь снимают, чистотой наполняют, заново рожают, стань же впредь как дитя рожденное, без греха и боли явленное, Темной матерью заклинаю, Светлую мать в свидетели призываю... – тихо шепчу, сбросив перчатки и ополаскивая в роднике нож. Трижды повторить – и достаточно для простой процедуры сбора трав.

Кончики пальцев заledenели, да уже дело закончено. Снова перчатки скрывают руки с кольцами, снова ветер дует в лицо, принизывая насквозь лес с пролива, снова кутаюсь в черный мех и прячу уши под черной меховой шапкой.

Лес заканчивается песчаником вперемешку с островками высокой травы, а у самой кромки воды дожидается деревянная лодка с провожатым.

Он невысок, худ, ежится в темном тулупе, высматривает меня. Когда подхожу, молча садится у носа, достает дудочку и заводит тонкую мелодию. Мы легко отплываем от берега.

Ветер подхватывает мелодию и несёт нас к острову. Вначале он виднеется тонкой темной полосой вдаль, и постепенно приближается. Сколько здесь километров? Каждый раз пытаюсь прикинуть да не могу определиться. Десять, пятнадцать? Вряд ли больше.

Ветер дует в спину, но мех не даёт ему проникнуть глубже и схватить сердце ледяными вихрями. Он дотягивается только до горла и колет, и пить мне сегодня отвар вместе с настойкой, если не хочу заболеть. Стоил ли того яснолик? Стоил.

Мы подплываем к человеческому острову, вот уже виднеется каменный пирс и темно-серые домишки, одноэтажные, хмурые в такую рань. Деревня ещё не успела проснуться, дети ещё не выпили парного молока с блинами, не стащили у мамы свежеиспеченную лепешку со стола и не выбежали на улицу месить грязь. Что им эта хмарь – главное, с друзьями в «Поймай некроманта» играть или бегать по дорогам за тенью дракона с стражем на спине.

Страж меня не трогает. Я могу беспрепятственно посещать эльфийский пограничный лес и возвращаться по ничейным водам в деревню, а он – обращаться ко мне за зельями и сводить с нужными людьми. Кому нужными – тут ещё вопрос, ему или мне.

Вот снова тень накрыла улицу. Задираю голову, и меня обдаёт сильным порывом ветра от взмаха крыльев. Проследил наш путь по воде, убедился, что добрались. Я не вижу с земли Алиендра, лишь быструю темную тень, но других стражей на этом участке границы в эти дни не водится.

Где-то лает собака, взрывая тишину. Ей вторит соседский пёс, и вскоре несколько дворов тоже подхватывают хриплую песнь. Свою пару нот вставляет петух, и от этих звуков улица словно оживает. Провожатый растворился в одном из серых домов позади, а я держу путь по главной улице, выющейся вдоль берега. Когда каменная мостовая заканчивается, начинается грунтовая дорога, посыпанная округлой галькой. Она впивается в толстую подошву, но я привычно иду дальше, вдыхая свежий воздух с особым, ни с чем не сравнимым дыханием пролива.

Тропинка заворачивает – и вот он, мой дом, моё укрытие. Стоит на возвышении у самого обрыва, темный, сотворенный из больших темно-серых валунов с синими прожилками. Стекла отливают голубизной, и я вижу легкое мерцание огня в гостиной, который я оставила, чтобы согреться по возвращении.

Высокое крыльцо с железными витыми перилами – и вот я дома. Он встречает приветливым теплом, магический огонь в камине уютно потрескивает, приветствуя меня. Быстро скидываю шубу и шапку на вешалку и бегу к огню, грею руки. Жар после холода опалает, а мне и радость.

После пью горячий отвар, попутно раскладывая на белом покрывале срезанные стебли. Сегодня их нужно посушить при комнатной температуре, затем вялить в темноте чердака, а после порезать мелко и хранить в холщовом мешке. Моя блажь – вышивать название трав вручную на каждой мешочке, вливая в вышивку каплю темной силы.

Она всегда легко отзывается, стоит о ней подумать. Она стала родной, иногда печальной, иногда гневливой, иногда злой, и на самом пике отдаёт болью каленого железа, которое словно втыкают в сердце. Эта боль отзывается дрожью по всему телу, а после начинает стискивать обручем затылок. В таком состоянии и зелья варятся

самые сложные, если не потерять себя в этой боли, если сохранить контроль. Я – умею, несмотря на бурю в груди.

А свет – он не даёт такой силы, он чужой, не родной мне более.

Когда возвращаюсь в свой мир, вижу своих родителей и семью сестры, то по возвращении чувствую тонкие нити света, пронизывающие внутреннюю тьму. В обычные дни она таится гремучей змеёй в районе сердца, и я стараюсь её не замечать, иначе тронешь – и снова позабытая боль начинает сжимать сердце, а гнев накатывает волнами.

На кого гневлюсь уже столько лет? Разве мне кто-то что-либо обещал?

Не было никаких обещаний. Не было никакой любви. Глупая девчонка придумала себе женскую блажь и побежала к любимому, пронеслась сквозь миры, надеясь вернуть украденное и найти его среди чужаков.

Почти семь лет назад я вернулась в Академию и не застала его там. Единственное место, которое было мне знакомо в Персеидах, столице Смешанных земель, – ресторан и вид на город сверху, поэтому я, не мешкая, перенеслась к подножию высокого здания ресторана.

В моем мире говорят «язык до Киева доведёт», а тогда довел он меня до здания Магического совета, о котором знал первый встречный прохожий у входа.

В непривычно жаркое утро я стояла перед внушительным темным строением из черного камня с алмазными и сапфировыми прожилками, утонченно-мрачным, созданным, чтобы внушать уважение и восхищать силой. Я стояла и чувствовала себя маленькой девочкой, которая абсолютно, совершенно не знала, что ей делать дальше.

Возле входа в здание несли свою службу два стражника, как сейчас помню, были они в черных одеждах, с черной маской на лице, с железным мечом, крепившимся к поясу. Я, наивная, просто подошла к ним, попросилась на прием к магистру и услышала в ответ только смех.

Естественно, меня к нему не могли пустить. Естественно, никто и не собирался передавать ему имя посетителя с просьбой о встрече. Я могла бы оставить информацию о себе и ждать в порядке очереди, и Раян, может быть, однажды получил бы послание и согласился со мной встретиться, но мне же нужно было здесь и сейчас? Как я могла ждать? Меня, такую распрекрасную, нужно хотеть видеть непременно!

Я попросила передать шкатулку, и мне доходчиво объяснили, чтобы я шла отсюда, покуда меня не загребли в Стражу за передачу предметов неизвестного происхождения первым лицам.

Растерявшись, я присела на лавочку перед грозным зданием Совета и стала ждать непонятно чего. Ждала несколько часов, затем отправилась к небольшой ресторации рядом, благо немного денег сохранила после стипендии, и там нашла более дружелюбное лицо – гномью хозяйку. Помню, увидев её приветливую улыбку, сразу набросилась с расспросами, когда она приняла заказ и стала заворачивать булочку.

– Какой сегодня год?

– Восемь тысяч сто первый.

Это мне ничего не дало.

Далее вопросы посыпались из меня ручьем.

Как давно Тардаэш – глава Совета? Около полугода. Как так получилось? Его избрали. А почему раньше не избирали? Раньше не мог пройти какую-то демонскую ступень. Теперь прошёл? Прошел, говорят, теперь глаза у него почти всегда пылают огнем. А где его можно найти? Она не знает, сюда он не заходит, к сожалению, но точно бывает в здании Совета и ужинает иногда в «Рунах Персеид». Это где? Она показала глазами на тот самый ресторан, видимый чуть ли не из любой точки Персеид. А когда он туда пойдет? Тут уж ответом мне был смех. Не ходит он, конечно, только перемещается порталом. А когда ужин по местным меркам? Через три цикла. Местных длиннющих цикла!

Далее было нестерпимо долго тянувшееся время какой-то глупой надежды и мысленных диалогов. Что сказать? Извиниться. Вернуть шкатулку. Признаться в чувствах. Ещё раз извиниться. Слезно про-

сильного прощения за то, что испортила ему много лет жизни глупыми скачками.

Что услышать в ответ?

«Прощаю, иди с миром» или «Никогда тебя не прошу, глаза б мои тебя не видели»? Или «Прощу, если сдашься на опыты»? Или «Чего ты сюда явилась, иди скачи по мирам дальше?». Или... тут сердце сладко замерло... «До сих пор не могу тебя забыть, давай попробуем снова? Я свой огонь умирил, больше не опалю. Не надо меня бояться».

Что-то подобное металось в моей голове, и ко всем вариантам я была готова. Лишь бы мне повезло его найти!

И мне повезло.

Я перенеслась немного позже начала ужина, помнила высокую растительную ограду, скрывающую от посторонних глаз часть укромных столиков в ресторане. Раян в наше первое и единственное свидание, видимо, предпочел показать мне город и не создавать излишне интимную обстановку. И не прятался ни от кого.

Я переместилась к ограде из выющихся растений и замерла, ища его глазами.

В этот раз он тоже не прятался ни от кого. Сидел за тем же самым столом, наверное, своим любимым. Такой же высокий, во всем темном, со своими волосами цвета мокрого асфальта, перевязанными черной тесьмой.

Только глаза были другие – черные с огненными точками посредине. И эти глаза смотрели на демонессу напротив, яркую, черноволосую, с идеальными чертами лица, естественными красными губами и глазами, в которых тоже прыгали огненные точки. Она смеялась, а он... как-то тепло улыбался, глядя не неё. И держал в одной руке бокал, а в другой – её руку.

Помню, как сердце резко сжалось и очень сильно заболело в груди. Я отшатнулась и задела рукой тонкую официантку-эльфийку, она как-то особенно гибко выгнулась, нечеловечески, пытаясь удерживать поднос. Едва та попыталась что-то произнести, как я прервала её.

И задала глупый вопрос, не знаю зачем:

– Кто это?

– Амирр, глава Совета, вы не знаете что ли? Они часто сюда приходят с Тарой Арравин, говорят, начали связывать себя узами... Вам помочь найти ваш столик?

– Нет, спасибо.

Я ещё раз взглянула на них. Как там в романах? Он должен был почувствовать мой взгляд и обернуться? И сказать, что это всё нелепая случайность? Что он не нашел так быстро себе демонессу, полную мою противоположность? Что это всё слухи, нелепейшие слухи?

Он не смотрел в ту часть зала, где была я. Моя магия была для него пустым местом, а люди ему были безразличны.

Мне хватило ума тогда просто исчезнуть. Больше не бежать к нему с истериками, не возвращать шкатулку с некрасивыми сценами, не плакать, не смотреть с укором.

В один миг сердце разбилось, но оно, глупое и наивное, всё равно не сразу осознало всё случившееся.

Темная буря затаилась в груди и периодически выскальзывала темными вихрями. А по-человечески просто очень сильно болело в груди, так, что нельзя было продохнуть. Как будто в ней образовалась дыра, словно невидимая рука схватила всю радость, надежду и наивную любовь и вырвала из груди.

Поначалу любовь ещё оставалась – другая, извращенная, некрасивая. Она прочертила когтями в душе полосы ненависти, залила едкой кислотой ревности, посыпала солью отчаяния.

Как я себя тогда собрала? Где нашла гордость больше не искать встреч? Как смогла преодолеть эту тягу, которая магнитом тянула к нему в надежде, что мне почудилось то теплое чувство в его глазах, направленных не на меня?

Хватило ума.

Время не только лечит, но и расставляет всё по своим местам. Сколько времени уже прошло, а любой человек и нечеловек знает, как зовут суженую Раяна Тардаэша. Тара Арравин.

Говорили, что она – истинная суженая с самого его рождения, но тяжелые испытания и сложность в покорении огня отсрочили их